

МОБИЛЬНОСТЬ ЭПОХИ МОБИЛИЗАЦИЙ

УДК 94(470) “1937-1938”

doi 10.17072/2219-3111-2020-3-76-88

«ПОЛЬСКИЕ ПЕРЕБЕЖЧИКИ» ИЗ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В «ПОЛЬСКОЙ ОПЕРАЦИИ» 1937–1938 ГОДОВ В ПЕРМИ

А. А. Каменских

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
614070, Пермь, Студенческая, 38
kamen.septem@gmail.com

Ставится проблема исследования «слепых пятен» современной исторической памяти на примере так называемых «польских перебежчиков» – одной из социальных групп, уничтоженных во время «польской операции» НКВД 1937–1938 гг. Техническим термином «польские перебежчики» («польперебежчики») в документах НКВД обозначались граждане Второй Речи Посполитой – как правило, этнические белорусы, украинцы и евреи, которые в 20-е–30-е гг. XX в. по тем или иным причинам бежали в Советский Союз, а позднее в соответствии с оперативным приказом Н.И. Ежова № 00485 от 11 августа 1937 г. и прилагаемым к нему закрытым письмом № 59098 были практически полностью уничтожены. Как объект культурной памяти «польские перебежчики» почти не существуют ни в национальных традициях исторического памятования, ни в памяти их семей, ни в трудах исследователей. Предпринята попытка проследить по материалам архивно-следственных дел, хранящихся в Пермском государственном архиве социально-политической истории, судьбы «польских перебежчиков», которые на момент ареста осенью 1937 г. оказались в Перми. Предложена гипотеза об организованной НКВД в 1931–1935 гг. стандартной процедуре обращения с «польскими перебежчиками», в соответствии с которой получению последними советского гражданства предшествовали тюремное заключение в одном из приграничных городов, пересылка в специально созданный для них «саровский концентрационный лагерь» и работа на одном из объектов ГУЛАГа. На примере истории «польских перебежчиков» как группы, полностью уничтоженной в ходе процессов государственного террора, обсуждаются проблемы так называемой «вмененной идентичности», палимпсестных форм памяти, релевантности сложившегося методологического инструментария *temoгу studies*, в частности условия возможности социальной рецепции «памяти через разрыв».

Ключевые слова: «польские перебежчики», «польская операция» НКВД 1937–1938 гг., социальная память, пост-память, Пермь.

Историческая память избирательна. Для понимания этой избирательности уместно принимать во внимание различие понятий архива и канона культурной памяти, предложенное Алейдой Ассман [Assmann, 2008]. В архив входит то, что выносится на маргиналии социально востребованного знания о прошлом: это может быть то, что в данный момент воспринимается как неактуальное, неважное, то, что относится к травматическому опыту и мешает связному и непротиворечивому выстраиванию идентичности, то, что отправлено в пространство молчания жестом власти, поскольку может пошатнуть идею ее легитимности. В отличие от канона, поддерживаемого усилием условной власти (в том смысле, каким наделяет понятие власти М. Фуко), память об отправленном в архив сохраняется, как правило, благодаря осознанным усилиям малой группы людей, идентичность которых базируется как раз на замолчанном знании. Так, представители национальных меньшинств могут из поколения в поколение передавать рассказ об особенностях своей групповой истории, хотя для национального нарратива это знание оказывается невостребованным. Или в семьях репрессированных либо депортированных могут из уст в уста передаваться знания о совершенном над членами группы преступлении, что, естественно, замалчивается властью. К такому архивному знанию относится, к примеру, и сохранение памяти о страданиях немецкого народа во время Второй мировой войны, – памяти, вытесняемой на протяжении не-

скольких десятилетий (что прекрасно показано в романе Гюнтера Грасса «Траектория краба»). Особенностью архивного знания является то, что оно имеет все шансы исчезнуть, ибо его сохранение зависит от осознанного усилия индивидов по его воспроизводству, причем очень часто никаких институализированных инструментов для его сохранения нет. Особенно уязвимым оказывается существование таких содержаний исторической памяти, которые связаны с социальными группами, подвергшимися тотальному уничтожению. В этих случаях может оказаться, что понятие архива исторической памяти теряет метафоричность, с которой связано его использование в работах А. Ассман, и совпадает с совокупностью документов – единиц хранения.

В ряде случаев в пространство архива попадают темы, которые не вписываются в условно «цивилизационное» нарративное пространство. Так, до недавнего времени европейские и американские исследователи относительно редко уделяли внимание, к примеру, истории Беларуси, поскольку ассоциирование Советского Союза в первую очередь с Россией часто мешало другим республикам СССР выступать в западных исследованиях в качестве субъектов исторического процесса. На это обращает внимание, в частности, Тимоти Снайдер, который постарался в своем исследовании «Реконструкция наций» [Snyder, 2003] (ср. [Marples, 1999]; [Oushakine, 2017]) открыть для американского читателя субъектность Украины и Беларуси. При этом читатель «Реконструкции наций» обнаруживает, что белорусский компонент, заявленный в заглавии работы (The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999), теряется в её структуре. Возможно, здесь оказывается задействованной «коммеморативная каузальность» – описанная самим же Снайдером зависимость интерпретации прошлого от сегодняшней конфигурации политических сил [Snyder, 2013]. «Реконструкция наций», как и «Кровавые земли» [Snyder, 2010], была откликом американского историка в первую очередь на желание обрести международную субъектность государствами, возникшими в результате распада Советского Союза. Примечательно, что при резком росте интереса к проблематике исторической памяти в Украине и Беларуси, который мы наблюдаем в последние годы (ср., к примеру [Shevel, 2014; Marples, 2014; Sloin, 2017; Schlöeghel, 2018]) и который связан с известными политическими событиями, предмет нашей статьи – историческая судьба «польских перебежчиков» – за редким исключением, остаётся «слепым пятном» и в российской, и в украинской и белорусской, и в западной историографии. Этот момент значим при определении методологии нашего исследования, связанного с поиском причины формирования «слепых пятен» в современной коллективной памяти.

В последние годы в исследованиях коллективной памяти развивается тема палимпсестности памяти и наличия парадоксальным образом невидимых ее слоев. В первую очередь это связано с травматическим прошлым, особенно со знаниями о преступлениях, совершенных «внешними» силами на некоей территории. Феноменальным образом места массовых убийств оказываются в невидимом поле коллективной памяти даже в том случае, когда местные жители в преступлении не виноваты. К этому полю исследования «невидимых» слоев памяти относятся исследования «неизвестного Холокоста» Патрика Дебуа [Дебуа, 2011], «отравленных пейзажей» Мартина Поллака [Поллак, 2015] и др. Зачастую люди десятками лет способны молчать о массовых преступлениях, хотя не несут за них вины. На эти особенности функционирования коллективной памяти обратили внимания именно не профессиональные историки, а публицисты, как упомянутые П. Дебуа и М. Поллак. К невидимым слоям коллективной памяти ожидаемо относится и память о преступлении собственной группы – как в прошлом, так и в настоящем. Выявление таких слоев неизбежно приводит к конфликтам, как это было в случае с публикацией исследования Яна Томаша Грасса «Соседи» об убийстве еврейских жителей польского местечка Едвабне их соседями-поляками. Среди публицистических входов в проблематику можно назвать серию репортажей Славенки Дракулич о реакции различных групп населения бывшей Югославии на знание о геноцидных практиках 1990-х гг. [Drakulić, 2004]. Для нашего исследования важен посыл палимпсестности, ибо объект нашего исследования принадлежит не просто к архиву памяти, но именно к той части архива, к которому некому обратиться в принципе. Это архив, сохранившийся буквально «в архиве»: его обнаружение произошло в ходе работы с более широкой «архивной» темой политических репрессий в Перми.

Как и в некоторых других случаях, когда исследователь трагических событий прошлого столетия имеет дело с социальной группой, практически полностью уничтоженной в ходе репрессий, мы обнаруживаем, что уже ставшие традиционными для Memory studies методологические

инструменты – такие как «социальные рамки памяти», «травматическая память», «культурная память», привычные способы работы с категориями архива и канона культурной памяти и др., – оказываются либо полностью нерелевантными, либо нуждающимися при своём использовании в серьёзных оговорках. Перечисленные теоретические концепты, как правило, соотносятся с опытом травмы, циркулирующим внутри некоего относительно постоянного сообщества (семьи, этнической, конфессиональной или политической группы) как пережитый лично опыт или как связанные с таким опытом нарративы «пост-памяти» [Hirsch, 2008] – опыт, маргинализируемый и вытесняемый или, напротив, служащий основанием для «канонического» национального нарратива. В случае с так называемыми «польскими перебежчиками» приходится признать, что не существует такого сообщества, такой политической, этнической или культурной группы, которая была бы готова признать этот опыт своим, чтоб передать его затем как «опыт травмы» своим потомкам. Радикальный разрыв преемственности памятования порождает ситуацию, когда «рецепция памяти» осуществляется нашим современником на основании осознания неполноты собственного жизненного мира, ощущения неполноты своего знания о прошлом. К примеру, в такой ситуации «реципиентом памяти» может стать индивид или группа индивидов, исторические контексты существования которых по тем или иным причинам оказываются созвучны опыту людей, некогда уничтоженных в кампаниях государственного террора. Иным основанием для подобной «рецепции-через-разрыв» может стать своего рода «топологическая преемственность» – жизнь в том же городском пространстве, в котором протекала жизнь представителей уничтоженной социальной группы. Примерами такой преемственности могут служить восстановление этническими украинцами Армянского кафедрального собора во Львове (включая литургию на армянском языке); основные принципы работы проекта «Последний адрес» (в случаях, когда инициатором установки памятной таблички становится человек, не связанный родством с жертвой репрессий); некоторые формы изучения микроистории в школах современной Германии, когда ее предметом оказывается не история семьи или локальной группы (предки многих нынешних немецких школьников жили далеко за пределами Германии), а история данной улицы, данного здания.

Таким образом, ещё одним методологическим узлом, значимым для нашей разведки, оказывается проблематика исторической памяти в целом. Для чего она существует и кто является ее носителем? Память работает на идентичность – для этого в памяти выбирается то, что способствует идентификации каждого члена данного сообщества именно как такового. Память о преступлениях работает в формате лакремозного нарратива – мы являемся жертвами и требуем сатисфакции от тех, кто преступление совершил. Память о преступлениях работает и в ситуации «проработки прошлого» [Адорно, 2005] для формирования демократической перспективы общества с тоталитарным прошлым. Признавая ответственность нашего сообщества за преступления, мы стараемся создать гарантию невозможности повторения преступления. Можно взять на себя ответственность за сохранение памяти о тех сообществах, члены которых были уничтожены, например, в Холокосте или в ходе политических репрессий в СССР, ибо они когда-то были членами сообщества нашего города/региона/страны.

Наиболее сложный случай – это те жертвы, которые не поддаются классификациям в сложившихся схемах исследований коллективной памяти, которые выпадают из идентификационных схем, ибо по какому-то признаку не вписываются ни в какую из существующих. Именно памяти таких людей, проваливающихся в идентификационные «щели», посвящена наша разведка. Вне идентификации политической, национальной и идеологической оказываются те, кто в протоколах допросов обозначены как «польперебежчики».

Таким образом, мы пытаемся не только ликвидировать белое пятно в фактической истории репрессий в СССР, но и поставить методологическую проблему исследования коллективной памяти – существование таких субъектов коллективной памяти, которые теряются в схемах внешней идентификации. Внешняя, или «вменённая», идентификация оказывается предельно важна в контексте рассмотрения массовых преступлений, так как человек может быть вписан в некую группу, с которой он сам себя никак не ассоциирует. Эта проблема, когда-то обозначенная в классической работе Бенедикта Андерсона [Anderson, 2006], возникает и при исследовании Холокоста. Мы предлагаем к рассмотрению еще один вариант такого «вменения идентичности», на основании которого можно сделать более широкие методологические выводы.

В поисковых базах Гугла слово «польперебежчик» встречается чуть более тридцати раз. Между тем речь идёт о тысячах людей (в основном этнических украинцах, белорусах и евреях), уничтоженных во время «польской операции» НКВД в 1937–1938 гг. «Польперебежчик» — технический термин, используемый в эти годы следователями НКВД для обозначения тех бывших польских граждан, которые в 20-е–30-е гг. по разным причинам бежали из Польши в Советский Союз, сидели там в тюрьмах за нелегальный переход границы, работали на объектах формирующегося ГУЛАГа, получали советское гражданство, а в 1937–1938 гг. были назначены польскими шпионами и практически полностью уничтожены. Неизвестным остаётся даже число таких «перебежчиков». Так, в оперативном приказе НКВД № 00485 от 11 августа 1937 г., который стал нормативным основанием проведения «польской операции», нарком Н.И. Ежов оценивает число «перебежчиков из Польши» в СССР в 15 тыс. чел.; при этом делается оговорка, что учтены из них лишь 9 тыс. В январе 1938 г. всё тот же Н.И. Ежов, выступая перед ГУТБ НКВД, высказал предположение о том, что в СССР проживают более 100 тыс. «польских перебежчиков» [Петров, Рогинский, 1997]¹. При подобном разбросе оценок численности «польских перебежчиков» трудно принимать называемые руководством НКВД цифры всерьёз.

Чьей истории принадлежат «польские перебежчики», кто о них помнит? Для поляков они предатели, недостойные памятования²; евреи помнят жертв Шоа; украинские и белорусские патриоты – борцов за национальную независимость; те, кто считает себя наследниками Советского Союза, привычно следуют старым нарративным и коммеморативным схемам, в которых для «польперебежчиков» нет и не может быть места. «Польперебежчики» почти не сохранились и в домашней, семейной памяти о жертвах репрессий: после перехода польско-советской границы они потеряли всякую связь с оставшимися в Польше родственниками, а новых семей они создать, как правило, не успели. Кто о них помнит? Кто должен помнить? Как было отмечено, в настоящее время не существует такой этнической, конфессиональной, политической или культурной группы, члены которой были бы готовы выступить в качестве реципиентов памяти о «польских перебежчиках».

Впрочем, за отсутствием традиционных форм рецепции и транслирования культурной памяти, некоторые данные последних лет позволяют осторожно высказать рабочую гипотезу об особой «группе», представители которой выступают в качестве хранителей и трансляторов памяти о «польских перебежчиках» в публичное пространство. Эта группа – сотрудники архивов. Благодаря их усилиям память о «польских перебежчиках» перестаёт быть в абсолютном смысле «слепым пятном». Так, в 2017 г. сотрудник Государственного архива социально-политической истории Кировской области В.С. Жаравин разместил на сайте архива текст «Трагедия польских евреев» [Жаравин, 2017] – препринт главы готовящейся архивом монографии «Польская Голгофа на Вятке». Осенью 2019 г. на площадке Дворца культуры металлургов в г. Серове (Надеждинске) Свердловской области открылась выставка «С надеждой на счастье. Перебежчики в Надеждинске в 1930-е годы». Куратор выставки – археограф Илья Демаков, сотрудник Государственного архива административных органов Свердловской области (см. [Мякоткина, 2019]).

Тем не менее история «польских перебежчиков» остаётся неизученной. Думается, ещё рано делать сколько-нибудь серьёзные обобщения, говорить об истории «польских перебежчиков» в масштабах бывшего СССР. Предлагаемая статья – ещё одна «локальная разведка», попытка сделать предметом рефлексии одну из страниц истории переселений и репрессий прошлого столетия и вместе с тем попытка вернуть в пространство живой памяти несколько имён, несколько судеб.

Источниками нашего исследования послужили прежде всего материалы пятитомного (так называемого «альбомного») архивно-следственного дела № 11903³, хранящегося в фонде 641/1 Пермского государственного архива социально-политической истории. Судьбы людей, отраженные в документах этого дела, объединяет одно: «польская операция» НКВД 1937–1938 гг. в Перми. Самые ранние документы, включенные в тома дела № 11903, датируются концом июля 1937 г., самые поздние – октябрём 1989 г.

В масштабах СССР «польская операция» НКВД осуществлялась с 25 августа 1937 по 15 ноября 1938 г. Как считается, её жертвами стали 139 835 чел., из которых 111 091 чел. были расстреляны, а 28 744 чел. приговорены к заключению в ИТЛ. С учетом того, что накануне операции, судя по данным переписи 1937 г., в СССР проживали 636 220 поляков, была физически уничтожена шестая часть всех поляков Советского Союза [Musial, 118]⁴.

При чрезвычайной жестокости «польской операции» в целом (число расстрелянных в рамках этой операции по СССР составило 79,4% от всех арестованных по приказу № 00485) пермский кейс поражает как быстротой операции («альбомное» дело заведено 31 августа 1937 г., к концу октября более половины арестованных были расстреляны; нередко от ареста до расстрела проходило две-три недели), так и своей жестокостью (в Перми оказались расстреляны 90% всех, кто был арестован в ходе операции). Пять томов дела № 11903 – это почти всё, что осталось от нескольких десятков мужчин и женщин, «включенных в операцию»: постановления об аресте, протоколы обысков, анкеты арестованных, протоколы допросов, обвинительное заключение, справки о расстрелах, материалы переписки карательных органов с родными репрессированных как во времена хрущевской оттепели, так и в период перестройки, внутриведомственные распоряжения о подготовке фальсифицированных свидетельств о смерти в результате болезни или несчастного случая во время заключения в ИТЛ, постановления о реабилитации и т.д. Отдельная группа документов – протоколы допросов следователей 1937 г. следователями 1939 г., где первые дают показания о фальсификациях, на которых была построена вся «польская операция» в Перми (Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11903. Т. 3. Л. 236–242)⁵. Специфический характер источников требует от исследователя крайней осторожности в суждениях. Тем не менее «гипертекст», образуемый материалами дела, предоставляет достаточно возможностей для проверки исследовательских гипотез.

Сотрудники пермского городского отдела Управления НКВД по Свердловской области (с 1934 по 1939 г. территория нынешнего Пермского края входила в состав Свердловской области), как и все их коллеги в стране, познакомились с оперативным приказом наркома внутренних дел Н.И. Ежова № 00485 и прилагаемым к нему тридцатистраничным закрытым письмом «о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» № 59098⁶ в середине августа 1937 г. Приказ запускал первую в истории страны массовую репрессивную кампанию, в основу которой был положен не классовый, а национальный принцип, и предписывал в трёхмесячный срок⁷, с 20 августа по 20 ноября, арестовать (сохраняем орфографию документа)

«а) выявленных в процессе следствия и до сего времени не розысканных активнейших члены «ПОВ»⁸ по прилагаемому списку;

б) всех оставшихся в СССР военнопленных польской армии;

в) перебежчиков из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;

г) политэмигрантов и политобмененных из Польши;

д) бывших членов ППС⁹ и других польских антисоветских политических партий;

е) наиболее активную часть местных антисоветских националистических элементов польских районов» (Бутовский полигон 1937 – 1938 гг. С. 353 – 354).

Арестованных следовало разделить на две категории – подлежащих высшей мере наказания и подлежащих заключению в лагеря на срок от пяти до десяти лет.

Вынуждаемые представить начальству в кратчайший срок отчёт о блестящей работе, т. е. о выявлении и уничтожении польской националистической шпионско-диверсионной организации, при ничтожно малом числе этнических поляков в Перми и её окрестностях, пермские чекисты подошли к делу «творчески». Во-первых, были произведены аресты на основании составленных «списков на лиц иностранных национальностей» (выписка из протокола обвиняемого Былкина В.И. от 5 апреля 1939 г. – Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11903. Т. 3. Л. 237). На поверку оказывается, что, осуществляя эти аресты, следователи руководствовались заранее подготовленной и развивавшейся в процессе следствия легендой о действовавшей в Перми под прикрытием костёла польской шпионско-террористической организации, возглавлявшейся ксендзом Франциском Будрисом – единственным на огромной территории от Волги до Оби католическим священником, остававшимся в тот момент на свободе. Благодаря софистической подмене «католик = поляк = польский шпион»¹⁰ следователи НКВД получили в распоряжение всю католическую общину Перми, состоявшую преимущественно из белорусов. Благодаря другим аналогичным подменам («носитель фамилии, звучащей на польский лад = поляк = польский шпион»¹¹, «квартирант полячки = польский шпион»¹², «человек, родившийся на территории Польши, в том числе в Западной Украине или Западной Беларуси = польский шпион»), что проявилось, в частности, в «изменении» национального состава арестованных с момента ареста до составления обвинительного заключения (по

сравнению с анкетами арестованных число поляков в обвинительном заключении возросло в полтора раза), удалось добиться видимости многочисленной польской организации.

Во-вторых, для упрощения и ускорения процесса получения подписанных признательных показаний в группах следователей было осуществлено своего рода разделение труда. Так называемые «писатели» или «журналисты» заранее готовили фальсифицированные протоколы допросов, пользуясь информацией из анкет арестованных и материалов агентурных дел – сообщений секретных осведомителей (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11903. Т. 3. Л. 236, 238, 239, 241). «Колуны» же заставляли эти протоколы подписывать, апеллируя к сознательности советского гражданина, применяя «конвейерные» допросы, длившиеся до пяти суток подряд (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11903. Т. 3. Л. 236), используя подлог, когда следователь зачитывал вслух анкетную информацию, а давал на подпись текст, содержащий признательные показания, и прибегая к избиению арестованных.

Тем не менее половина всех арестованных в рамках «польской операции» в Перми не признали свою вину, не согласились оговорить других и были осуждены на основании «показаний соучастников».

Среди арестованных в рамках «польской операции» в Перми выделяется особая группа «польских перебежчиков», т. е. людей, осознанно, взрослыми нелегально пересекших польско-советскую границу в 20–30-е гг. Согласно оперативному приказу № 00485 все они независимо от национальности, времени и обстоятельств перехода границы подлежали аресту с последующим отнесением к первой (расстрел) или второй (десять лет ИТЛ) категории¹³. В рамках пермской «польской операции» было арестовано 14 таких «польперебежчиков». Все они мужчины в возрасте от 25 до 46 лет. На момент перехода границы лишь одному из них было больше тридцати. Десятеро из них белорусы, трое – евреи, один – поляк. Лишь двое из них согласились подписать на допросах протоколы с признательными показаниями. Только в этой группе были избежавшие расстрела: трое приговорены к десяти годам ИТЛ (один из них, Григорий Решетко, выжил¹⁴); один, Юльян Шейко, скончался после допросов в тюремной больнице [*Кучевасов, Каменских, 2017, 4 авг.*]; одному, Владимиру Кирею, из-за бюрократических проволочек посчастливилось дожить до прекращения Большого террора, в сентябре 1939 г. он был освобожден за отсутствием состава преступления. Как и другие участники «польской операции» в Перми, все они, кроме Евеля Миклавского, реабилитированного только в 1989 г., были реабилитированы в 1957 г. за отсутствием состава преступлений.

Для понимания мотивов и обстоятельств перехода границы, а также «постграничной» судьбы каждого из «перебежчиков» следует вспомнить об изменениях во внутренней политике Второй Речи Посполитой по отношению к национальным меньшинствам на Восточных Кресах и динамике польско-советских отношений с 1919 по 1937 г. В начале этого восемнадцатилетия – недолгое существование Западно-Украинской и Белорусской народных республик; обсуждение статуса западно-украинских и западно-белорусских территорий на Парижской конференции и рассмотрение вопроса о возможном в будущем плебисците на этих территориях под контролем Лиги Наций; поход Красной армии на Польшу, в котором участвовал И. Жаковка (Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11903. Т. 3. Л. 90), и «чудо на Висле»; польские концлагеря для советских военнопленных, в один из которых был заключен И. Аухимик по своем приезде в Польшу в 1922 г.; польско-советский Рижский мирный договор 1921 г., закрепивший разделение Беларуси и Украины между Польшей и советской Россией. Это законы от 17 декабря 1920 г. «О передаче в собственность государства земли в некоторых повятах Польской Республики» и «О наделении землей солдат Войска Польского», ставшие нормативной базой осадничества, одного из основных инструментов в политике колонизации Восточных Кресов (именно в поместьях польских осадников работали позднее Ю. Шейко, Г. Решетко, И. Аухимик). Это, далее, широкий спектр мероприятий, направленных на культурную, национальную и политическую ассимиляцию украинцев и белорусов во Второй Речи Посполитой, к примеру, постепенные изменения в системе образования, благодаря которым число начальных школ с преподаванием на украинском языке сократилось с 2558 в 1924/25 г. до 461 в 1937/38 [*Мотыка, 2013, с. 11*]. Это дискуссии в среде польских политиков между сторонниками концепций «государственной» и «национальной» ассимиляции белорусов и украинцев (ср. [*Голувко, 2012, с. 109*]); закрытие украинских и белорусских национальных организаций – как тех, которые, подобно структурам коммунистической партии (в деятельности од-

ной из ячеек которой принимал участие Я. Зеневич), действительно использовались советским правительством (во всяком случае, до начала 1925 г.) для «активной разведки» и диверсионной деятельности на территории Польши¹⁵, так и подобных Белорусской селянско-рабочнической громаде, участники которой в 1925–1927 гг. пытались вести легальную политическую и просветительскую деятельность (участниками Белорусской селянско-рабочнической громады были Г. Решетко и А. Левчук).

На основании протоколов допросов и других материалов архивно-следственных дел можно выделить ряд мотивов, которыми жертвы «польской операции» в Перми руководствовались при переходе польско-советской границы или которые, во всяком случае, они считали возможным представить в качестве таковых своим следователям.

1. Мотивом, связанным с наиболее ранними переходами границы (в 1921 и 1923 гг.), служит стремление избежать репрессий из-за службы в Красной армии или подозрений в сотрудничестве с ЧК. Такой мотив артикулирован в протоколах допросов Франца Дудко (ПермГАСПИ. Д. 11903. Т. 3. Л. 16–21) и Ивана Жаковки (Д. 11903. Т. 3. Л. 84 – 91); [Кучевасов, Каменских, 2017, 11 нояб.].

2. Политические преследования: Григорий Решетко (Там же. Л. 60), Алексей Левчук (политическим преследованием за участие в Белорусской селянско-рабочнической громаде мотивирован его первый переход польско-советской границы в августе 1926 г. – Там же. Л. 106, 107 об., 108) и Яков Зеневич (подчёркивает своё членство в польском комсомоле и переход границы вместе с «Семашкевичем, секретарем райкома комсомола в Польше»¹⁶ – Там же. Л. 114–118).

3. Дезертирство или уклонение от службы в польской армии: Адам Калоша (Там же. Л. 51), Иван Аухимик (Там же. Л. 73–77), Алексей Левчук (второй переход границы в 1929 г. – Там же. Л. 107 об. – 108 об., 266).

4. Однако, вероятно, наиболее значимым из всех оснований для перехода границы оказывались трудности с устройством жизни в Польше — при обилии слухов (и отсутствии точной информации) о свободной и счастливой жизни в Советском Союзе, который виделся местом, в котором можно избавиться разом от всех проблем (включая неустроенность семейной жизни) и начать жизнь заново: Лазарь Вайсман (Там же. Л. 33–35; на допросе Вайсман также старается подчеркнуть свою близость к польскому комсомолу – он не знает, что после «закрытого письма» Ежова № 59098 от 11 авг. 37 г. теперь это скорее отягчающее обстоятельство), всё тот же Алексей Левчук (Там же. Л. 106), Юльян Шейко (Там же. Л. 43–44) и его односельчанин Александр Заборовский (Там же. Л. 68 об.), Адам Калоша (Там же. Л. 51), Рувин Брауман (Там же. Л. 94), Евель Миклавский (Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30258. Л. 8 об.).

При исследовании судеб «польперебежчиков», оказавшихся жертвами «польской операции» в Перми, в глаза бросается одна деталь: определяющим для советской, «постграничной» жизни оказывается случайное, как будто, обстоятельство – дата перехода границы. Переход шестерых из них — Ф. Дудко, И. Жаковки, Л. Вайсмана, И. Аухимика, А. Левчука, Я. Зеневича, — приходится на достаточно большой временной промежуток, с 1921 по 1929 г. Каждый из них после перехода границы добровольно сдаётся советским властям, каждый подвергается проверкам, а некоторые и заключению за незаконный переход границы, а дальше жизнь каждого из них складывается по-разному: И. Жаковка на многие годы становится агентом ОГПУ, А. Левчук отправляется учиться в Ирбит, а оттуда в Пермь, Ф. Дудко заведует хлебопекарней, Л. Вайсман становится экономистом мясокомбината.

Но восемь из четырнадцати пермских «польперебежчиков» – А. Калоша, Г. Решетко, Ю. Шейко, А. Заборовский, Р. Брауман, И. Кривеня, В. Кирей и Е. Миклавский, — перешли границу с конца 31 по начало 33 г. Их «постграничные» судьбы впечатляют единообразием: несколько месяцев тюремного заключения за нелегальный переход границы в приграничном городе (чаще всего в Минске), перевод в «саровские лагеря», вербовка и отправка на работы на Урал (в двух случаях в г. Надеждинск, нынешний г. Серов Свердловской области, в пяти – в пос. Трубстрой Первоуральского района Свердловской области¹⁷), затем – получение советского гражданства и поступление на учёбу на рабфак в Салде или в Оханске с последующим переводом на рабфак Пермского педагогического института или поступлением в Пермский сельхозинститут.

Можно допустить, что такое единообразие судеб – результат аберрации, определенной самой выборкой: НКВД вел наблюдение за группой студентов-«польперебежчиков» из пермского

сельхозинститута и педагогического рабфака (И.Жаковка говорит на допросе о том, что был «внедрен» в группу студентов пединститута), которые держались вместе, жили (за исключением А. Калоши – единственного, кто на момент ареста был женат¹⁸, и А. Заборовского, учившегося в Молотовском сельхозтехникуме) в студенческом общежитии Педагогического института на ул. Генкеля, 1¹⁹ и общежитии сельскохозяйственного института на ул. Луначарского, 3²⁰. Более чем вероятно, что существовали списки, на основании которых были подготовлены соответствующие постановления об аресте. Такая гипотеза «сходства по арестному списку» вкупе с простой случайностью, обусловленной малой выборкой, могла бы объяснить, как оказалось, что более половины «польперебежчиков», арестованных в Перми осенью 1937 г., перешли польско-советскую границу именно с конца 1931 по начало 1933 г. Однако эта гипотеза не позволяет объяснить единообразия сценариев «пограничных» судеб этих людей.

Более вероятно поэтому, что и резкий рост числа еврейских и белорусских перебежчиков из Польши в Советский Союз в указанный период, и единство процедуры, определившей сходство «пограничных» судеб, имеют более общие причины. В начале 1930-х гг. Советский Союз был вынужден отказаться от поддержки национальных движений на территории Польши: в условиях «сплошной коллективизации» и раскулачивания, форсированной индустриализации и голода в Казахстане, на Волге и Украине у советского правительства не было возможностей содействовать приближению Мировой революции или хотя бы национально-освободительного восстания на востоке Польши, которое прежде рассматривалось как необходимый этап для последующей советизации Западной Украины и Западной Беларуси (так называемый «монгольский проект») [Лазько, 2015, с. 24]. Уже в конце 1930 г. НКВД начинает переговоры с польской стороной о подготовке договора о ненападении. В июне 1931 г. ЦК Компартии Западной Беларуси был вынужден исключить из своей программы положение о праве «трудящихся Западной Беларуси на самоопределение вплоть до отделения от Польши и присоединения их к БССР» (цит. по [Лазько, 2015, с. 26]). По утверждению Р.Р. Лазько, «договор о ненападении был оплачен Москвой выведением белорусского вопроса из сферы международных отношений с Польшей» (перев. мой – А.К.) [Лазько, 2015, с. 26]. Примечательно, что практически в одно время начинаются репрессии против национальной интеллигенции в БССР (дело «Союза освобождения Белоруссии», 1930–1931 гг.) и усиление давления режима санации Ю.Пилсудского на права украинского и белорусского населения Восточных Кресов. По всей вероятности, этот натиск и стал причиной того, что поток белорусских беженцев с территории Польши в 1931–1932 гг. резко усилился. На советской стороне беженцев ждали: в ноябре 1931 г. на территории бывшего Саровского монастыря создается Саровский особый карантинный лагерь ОГПУ, специально предназначенный «для предварительной изоляции нарушителей границы»²¹. Очевидно, в то же время была установлена процедура «тюрьма в приграничном городе – Саровский карантинный лагерь – этапирование к местам принудительной работы – получение советского гражданства», определившая судьбы пермских «польперебежчиков» до их ареста осенью 1937 г.

Безусловно, гипотеза о введении в конце 1931 г. «процедуры», определявшей жизнь «польских перебежчиков» с момента перехода ими польско-советской границы, нуждается в дополнительном обосновании. Мы отдаём себе отчёт в узости эмпирической базы, использованной для выдвижения гипотезы. Для расширения этой базы необходимы архивные изыскания в других регионах бывшего СССР.

Представленное casual-study позволяет вернуться к некоторым из методологических вопросов, поставленных в начале нашей работы.

Прежде всего приходится констатировать, что память о «польских перебежчиках» не вписывается ни в один из «больших нарративов», который мог бы её «легитимизировать». «Польские перебежчики» – не борцы с тиранией, не герои национально-освободительных движений, не защитники «традиционных» – этатистских или конфессиональных – ценностей и святынь. Это всего лишь люди, совершившие в своё время выбор, приведший их к гибели. Такое ускользание от наиболее распространённых и привычных идентификационных схем во многом объясняет не востребованность памяти о «польских перебежчиках» национальными традициями памятования, которым они, казалось бы, могли бы принадлежать: российской, украинской, белорусской, украинской, польской, еврейской. Но именно это отрывает возможность для других форм «ком-

меморативной солидарности». В этих частных формах мемориальной соотнесённости значимыми могут оказаться как будто случайные обстоятельства биографии: особенности поведения на допросе, учёба в том же вузе, проживание на той же улице, сходные политические взгляды, в конечном счёте – сама ситуация внезапной человеческой уязвимости. «Палимпсестность» содержания памяти, которые наслаиваются, стирая и замещая друг друга – но всегда не окончательно, сохраняя возможность сосуществования в пространстве одного мнемонического комплекса, обнаруживает, таким образом, потенциал многообразия форм возможной личной соотнесённости.

Далее, следует отметить, что исследование материалов, связанных с «польскими перебежчиками» в «польской операции» в Перми, не позволяет так или иначе «обозначить» жертв польской операции (разумеется, это и не было нашей задачей), но делает возможным феноменологически отследить через этнические, конфессиональные, политические, социальные маркеры (само)репрезентации сложную динамику форм манифестации идентичности. Нетрудно заметить, что за этой динамикой указанных форм идентичности (в условиях осуществляемого властью на протяжении лета и осени 1937 г. постоянного и скрытого от объектов идентификации изменения идентификационных схем, при котором, к примеру, казавшееся прежде условием спасения членство в одной из оппозиционных польских организаций теперь служило удобным основанием для вынесения обвинительного приговора) обнаруживается со стороны жертв поиск способов спасения жизни или сохранения достоинства на допросе, а со стороны следователей НКВД – многообразие способов вменения требуемой идентичности.

Наконец, мы можем утверждать, что проведённое исследование подтвердило релевантность гипотезы, сформулированной в первой части нашего текста: в тех случаях, когда дело касается социальной группы, подвергшейся в рамках кампаний государственного террора почти полному уничтожению, становятся невозможными традиционные формы трансляции культурной памяти внутри группы, готовой взять на себя роль наследников такой памяти, эту роль реципиентов и трансляторов содержания памяти в публичное пространство зачастую берут на себя сотрудники архивов – единственных культурных пространств, где сохраняются материальные «следы памяти» о жертвах террора, документы.

Безусловно, на процессы такой «трансляции» и рецепции содержания памяти более широкими группами оказывают влияние и другие факторы. Так, появление в 2017 г. серии публикаций, посвящённых «польским перебежчикам» в польской операции в Перми, на сайте электронной газеты «Звезда» было связано с восьмидесятой годовщиной Большого террора. Вероятно, с этой же годовщиной можно связать начало работы сотрудников Государственного архива социально-политической истории Кировской области над монографией «Польская Голгофа на Вятке» и сотрудников Государственного архива административных органов Свердловской области – над выставкой «С надеждой на счастье. Перебежчики в Надеждинске в 1930-е годы», размещённой осенью 2019 г. на площадке Дворца культуры металлургов г. Серова. Таким образом, можно говорить о действии некоторого «маятника значимых дат», встроенных в культурную память современных обществ, дат, символический вес которых может периодически делать проницаемыми границы между «каноном» и «архивом» культурной памяти.

Однако в случае с выставкой в Серове мы можем отметить действие и другого фактора – своего рода «корпоративной солидарности». В Серове работа «польских перебежчиков» в начале 1930-х гг. была связана с тем же индустриальным центром, который в 2019 г. предоставил свой Дворец культуры в качестве площадки экспонирования упомянутой выставки, – с Надеждинским металлургическим заводом. Эффект «корпоративной солидарности» можно усмотреть и в торжественной церемонии, имевшей место 30 октября 2017 г. при установке мемориальной таблички проекта «Последний адрес» на стене одного из студенческих общежитий Пермского классического университета: на этом месте в 1937 г. находилось студенческое общежитие рабфака, ставшее «последним адресом» для Юльяна Шейко и его товарищей. К сожалению, практика показывает, что эффект «корпоративной солидарности» в современной России не следует переоценивать. К примеру, аналогичные обращения пермского отделения «Мемориала», которые в то же время были направлены руководству Пермской сельскохозяйственной академии и подкреплены соответствующими нотами Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, – не возымели действия.

Здесь уместно отметить ту роль, которую могут играть и подчас играют в мемориализации «вытесненных содержаний» культурной памяти группы «мемориальных активистов» («mnemonic warriors», в терминологии Я.Кубика и М.Бернхарда [*Kubik, Bernhard, 2014*]). В случае с «польскими перебежчиками» в Перми такой группой «мемориальных активистов», принимающих на себя ответственность за сохранение памяти о жертвах террора, оказались сотрудники пермского краевого отделения общества «Мемориал».

Примечания

¹ См. текст оперативного приказа № 00485 на сайте общества «Мемориал»: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/370811.htm>. По ссылке <http://nkvd.tomsk.ru/content/editor/DOCUMENTS/ArhiwnDokumenty/SSSR/prikaz-00485.pdf> можно найти фотокопию экземпляра приказа, полученного в августе 1937 г. управлением НКВД по Одесской области.

² Следует, однако, отметить, что Чеслав Милош в своей «Азбуке», великом памятнике воскрешающей памяти, упоминает юных еврейских революционных романтиков из межвоенного Вильно, которые бежали в Советский Союз, чтоб «поучаствовать в строительстве социализма». «Ни об одном из них никто уже не услышал. Их отправляли прямоиком в лагерь» [*Милош, 2014, с. 134–135*].

³ Не всегда ясная логика следователей НКВД, осуществивших Большой террор, заставляла их по той или иной причине иногда выделять из «альбомного дела» индивидуальные дела. Так, по неизвестным причинам в особые производства были выделены дела Евеля Миклавского, уроженца Белостока, студента Пермского сельскохозяйственного института (ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30258), Владимира Кирея — «польперебежчика», студента рабфака Пермского пединститута (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9560), Алевтины Вишневецкой, арестованной по обвинению в шпионаже и в «недонесении» на своего мужа Павла Вишневецкого (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12251).

⁴ См. также: Репрессии против поляков и польских граждан... Табл. 2: Приказ НКВД 00485 («польская операция»). Число осужденных в СССР в «альбомном порядке» с 25 августа 1937 г. по 15 сентября 1938 г. и особыми тройками с 15 сентября 1938 г. по 15 ноября 1938 г.: URL: <http://old.memo.ru/history/POLAcu/Index.htm> (дата обращения: 27 сент. 2020 г.).

⁵ В «альбомном» деле 11903 показания следователей, осуществлявших в 1937–1938 гг. «польскую операцию» в Перми, представлены выписками из протоколов допросов, ведшихся с января по май 1939 г. в рамках так называемого дела бывшего Пермского горотдела НКВД (см.: Протокол судебного заседания Военного трибунала Московского округа войск НКВД в г. Москве 1939: в 6 т. // ПермГАСПИ. Ф.641/1. Оп.1. Д. 6857). Выписки были сделаны 8 апреля 1955 г. и, вероятно, тогда же оказались включены в третий том дела 11903.

⁶ См. текст письма на сайте фонда А.Н. Яковлева: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61149>.

⁷ В действительности операция продлилась до 15 ноября 1938 г.

⁸ Польская войсковая организация, агенты которой согласно легенде, изложенной в прилагаемом к оперативному приказу № 00485 «закрытом письме», подчинили себе компартию Польши и польскую секцию Коминтерна, проникли во все структуры советской промышленности, транспорта, управления, армии, сельского хозяйства и т.д.

⁹ Партия польских социалистов.

¹⁰ Ср. образец такой софистической подмены в протоколе допроса старосты пермской католической общины И.П. Столовича (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 11903. Т. 2. Л. 99–99а).

¹¹ Супруги Алевтина Николаевна и Павел Михайлович Вишневецкие по анкетам арестованных – русские, по обвинительному заключению – поляки.

¹² Я.А. Рогачев, мастер паровозоремонтного завода, по анкете арестованного – русский.

¹³ Приказ № 00485 для отнесенных ко второй категории устанавливал наказание от пяти до десяти лет заключения в ИТЛ, однако на практике десять лет заключения оказывались в рамках «польской операции» (во всяком случае, в Перми) самым мягким приговором.

¹⁴ О судьбе Григория Решетко см. подробнее [*Кучевасов, Каменских, 2017, 2 окт.*].

¹⁵ Ср. формулировку в тексте решения Политбюро ЦК РКП(б) от 25 февраля 1925 г.: «Активную разведку в настоящем виде (организация связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами на территории Польской Республики) – ликвидировать». (Материалы..., 1997, с. 13).

¹⁶ Вероятней всего, речь идёт о Романе Семашкевиче, замечательном белорусском художнике-авангардисте, расстрелянном позднее в Москве в декабре 1937 г. URL: https://bessmertnybarak.ru/Semashkevich_Roman_Matveevich/ (дата обращения: 27 сент. 2020 г.).

¹⁷ Речь идёт о Первоуральском новотрубном заводе, строительство которого началось в 1931 г. Один из организаторов производства на заводе, будущий невозвращенец Виктор Кравченко, прямо говорит о «вербовке большого контингента рабочих из числа заключенных» [Кравченко, 1946, с. 45].

¹⁸ О судьбе Адама Калоши и его дочери А.А. Фёдоровой (Рудых, Калоши) см. [Кучевасов, Каменских, 2017, 8 авг.]. 30 окт. 2018 г. в память об Адаме Калоше была установлена табличка проекта «Последний адрес». URL: <https://www.poslednyadres.ru/news/news765.htm> (дата обращения: 27 сент. 2020).

¹⁹ Примечательно, что на том же месте сейчас находится одно из студенческих общежитий Пермского государственного национального исследовательского университета. Усилиями сотрудников пермского краевого отделения общества «Мемориал» 30 октября 2017 г. на стене корпуса общежития в память об Юльiane Шейко была установлена мемориальная табличка «Последнего адреса»: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Last_Address_Perm_%E2%80%9494_Sheyko.png (дата обращения: 27 сент. 2020).

²⁰ На этом месте сейчас находится один из учебных корпусов Пермской государственной сельскохозяйственной академии. 2 июля 2018 г. рядом с этим зданием в память о Рувине Браумане, Евеле Миклавском и Алексее Левчуке были установлены таблички «Последнего адреса».

²¹ Приказ 671/362 ОГПУ от 17.11.31. URL: <http://old.memo.ru/history/NKVD/GULAG/r3/r3-299.htm>.

Библиографический список

- Адорно Т.* Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. Вып. 2–3. С. 36–45.
- Бутовский полигон 1937 – 1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. М.: Институт экспериментальной социологии, 1997. С. 353 – 354.
- Голубко Т.* Методи й шляхи оздоровлення взаємовідносин у Східній Галичині і східних воєводствах // Ми не є українофілами. Польська політична думка про Україну і українців / ред. П. Ковалюк, Я. Олдаковського. М.; Київ: Зухняк, 2012. С. 106–115.
- Дебуа П.* Хранитель спогадів. Кривавими слідами Голокосту. Київ: Дух і Літера, 2011. 336 с.
- Жаравин В.С.* Трагедия польских евреев. 2017. URL: http://gaspiko.ru/html/tragedy_polskyevrey (дата обращения: 27 сент. 2020).
- Кучевасов С., Каменских А.* «Он мужественно выдержал конвейерный допрос» // Звезда. 4 авг. 2017. URL: <http://zvzda.ru/articles/8d59489d37ea> (дата обращения: 27 сент. 2020).
- Кучевасов С., Каменских А.* «Пожалуйста, найдите дело моего отца и дайте мне правдивый ответ» // Звезда. 2017. 8 авг. URL: <http://zvzda.ru/articles/b26baecd6247> (дата обращения: 27.09.2020).
- Кучевасов С., Каменских А.* «Лучше расстреляйте меня...». История пермского студента, пережившего «польское дело» // Звезда. 2017. 2 нояб. URL: <http://zvzda.ru/articles/5a4f1e730e5b> (дата обращения: 27.09.2020).
- Кучевасов С., Каменских А.* «Следователь задаёт ему вопрос как польскому шпиону, а он отвечает как советский разведчик» // Звезда. 2017. 10 нояб. URL: <http://zvzda.ru/articles/3b4a67bcfa81> (дата обращения: 27.09.2020).
- Лазько Р.Р.* Нас аб'яднали — хто? Чужаніцы... Аб гістарычных умовах аб'яднання Беларусі ў верасні 1939 г. // Восень 1939 года ў гістарычнай традыцыі і вуснай гісторыі. Мінск: Зміцер Колас, 2015. С. 22–35.
- Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. М.: Б. и., 1997. 141 с.
- Милош Ч.* Азбука. СПб.: Иван Лимбах, 2015. 608 с.
- Мотика Г.* Від волинської різанини до операції "Вісла". Польсько-український конфлікт 1943–1947 рр. Київ: Дух і Літера, 2013. 360 с.
- Мякоткина С.* С мечтой о счастье... В Серове работает выставка об иностранцах, в 1930-е годы искавших лучшей жизни в СССР // Информационный портал Свердловской области. 30.09.2019. URL: <https://xn--b1ag8a.xn--p1ai/news/munnews/8170> (дата обращения: 27.09.2020).
- Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан: Ист. сб. «Мемориала» / сост. А. Э. Гурьянов. М.: Звенья, 1997. Вып. 1. С. 22–43.
- Поллак М.* Отруєні пейзажі. Черновці: Книги-XXI, 2015. 112 с.
- Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York, 2006. 240 p.
- Assmann A.* Canon and Archive // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by Astrid Erl and Ansgar Nünning. Berlin; New York, 2008. P. 97–108.
- Drakulić S.* They Would Never Hurt a Fly. War Criminals on Trial in the Hague. London, 2004. 209 p.
- Hirsch M.* The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. 29.1. P. 103–128.
- Kravchenko V.* I Chose Freedom. New York: Charles Scribner's Sons, 1946. 496 p.
- Kubik J., Bernhard M.* A Theory of the Politics of Memory // Twenty Years After Communism. The Politics of Memory and Commemoration / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford, 2014. P. 7–36.

- Marples D.R.* 'Our Glorious Past': Lukashenka's Belarus and the Great Patriotic War. Stuttgart, 2014. 400 p.
- Marples D.R.* Belarus: A Denationalized Nation. Amsterdam, 1999. 139 p.
- Musial B.* The 'Polish Operation' of the NKVD: The Climax of the Terror Against the Polish Minority in the Soviet Union // *Journal of Contemporary History*. 2012. 48 (1). P. 98–124.
- Oushakine S.A.* How to Grow out of Nothing: The Afterlife of National Rebirth in Postcolonial Belarus // *Qui parle*. 2017. 26.2. P. 423–490.
- Shevel O.* Memories of the Past and Visions of the Future: Remembering the Soviet Era and Its End in Ukraine // *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration* / ed. by M. Bernhard M. & J. Kubik. Oxford; New York, 2014. XIX, 363 p.
- Schlöegel K.* Ukraine: A Nation on the Borderland. London, 2018. 287 p.
- Sloin A.* The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power. Bloomington, USA. XIV, 325 p.
- Snyder T.* Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. New York, 2010. XIX, 524 p.
- Snyder T.* Commemorative Causality // *Modernism/Modernity*. 2013. 20.1. P. 77–93.
- Snyder T.* The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven; London, 2003. XIV, 367 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 05.04.2020

“POLISH REFUGEES” FROM THE WESTERN BELARUS IN THE 1937–38 NKVD “POLISH OPERATION” IN PERM

A. A. Kamenskikh

National Research University “Higher School of Economics”, Studencheskaya str., 38, 614070, Perm, Russia
kamen.septem@gmail.com

Using the example of the so called “Polish refugees” (*pol'perebezhchiki*), the paper discusses a research problem of the “blind spots” of historical memory. By the technical term *pol'perebezhchiki* the NKVD investigators denoted a special social group of the former citizens of the interwar Poland – mainly ethnic Belarusians, Ukrainians, and Jews, – who escaped to the Soviet Union in the 1920s – 1930s, and, according to the order № 00485 from 11.08.1937 issued by Nicholas Ezhov, were almost totally exterminated during the 1937–38 ‘NKVD Polish operation’. “Polish refugees” do not exist, as the objects of commemoration, neither in traditions of national remembrance (Polish, Jewish, Belarusian, Ukrainian or Russian ones), because they cannot be introduced into the heroic or lacrimous national narratives; nor in the memory of their families: as young men, they were not married and did not have children. They are ignored by scholars as well. Based on the materials of the NKVD archives in Perm, the author tries to reconstruct the main features of the standard procedure of the treatment of “Polish refugees” elaborated by the NKVD up to 1931: (1) several months of imprisonment near the Polish-Soviet border, (2) transferring to the “Sarov concentration camp” organized especially for such refugees, (3) several years of labour in one of the GULAG camp, (4) and finally, liberation from the camp and accepting of Soviet citizenship. The object of special interest are the series of biographies of the group of “Polish refugees” who were, at the moment of their arrest, the students of Perm educational institutes.

Key words: “Polish refugees”, Polish operation of NKVD in 1937–38, social memory, post-memory, Perm.

References

- Adorno, T. (2005), “What does mean «working through the past»”, *Neprikosnovennyi zapas*, № 2–3, pp. 36–45.
- Anderson, B. (2006), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso, London, New York, USA, 240 p.
- Assmann, A. (2008), “Canon and Archive”, in Erll, A. & A. Nünning (eds.), *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, USA, pp. 97–108.
- Butovskiy poligon 1937 – 1938 gg. Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressiy* [Butovo polygon 1937 – 1938. Book of memory of victims of political repression] (1997), Institute of experimental sociology, Moscow, pp. 353 – 354.
- Goluvko, T. (2012), “Methods and ways of healing of interrelations in the East Galitsia and in the eastern regions”, in Koval P., Oldakovskiy Ya. & M. Zukhnyak (eds.), *My ne ye ukrainofilami. Pol'ska politychna dumka pro Ukrainu i ukrainsiv* [We are not the ukrainophilians. Polish Political Thought on Ukraine and the Ukrainians], Kyiv-Mogila academy, Kyiv, Ukraine, pp. 106–115.
- Desbois, P. (2011), *Khranitel' spogadiv. Kryvavymi slidamy Golokostu* [The keeper of memories. By bloody traces of the Holocaust], Duh i Litera, Kyiv, Ukraine, 336 p.
- Drakulić, S. (2004), *They Would Never Hurt a Fly. War Criminals on Trial in the Hague*, Penguin, London; New York, UK; USA, 209 p.

- Hirsch, M. (2008), "The Generation of Postmemory", *Poetics Today*, № 29 (1), pp. 103–128.
- Kravchenko, V.A. (1946), *I chose freedom*, Charles Scribner's Sons, New York, USA, 496 p.
- Kubik, J. & M. Bernhard (2014), "A Theory of the Politics of Memory", in Kubik, J. & M. Bernhard (eds.), *Twenty Years After Communism. The Politics of Memory and Commemoration*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 7–36.
- Kuchevasov, S. & A. Kamenskikh (2017), "He bravely stood the conveyor interrogation", *Zvezda*, 10.11.2017, available at: <http://zvzda.ru/articles/8d59489d37ea> (accessed Sep. 27, 2020).
- Kuchevasov, S. & A. Kamenskikh (2017), "Please find my father's case and give me a true answer", *Zvezda*, 08.08.2017, available at: <http://zvzda.ru/articles/b26baecd6247> (accessed Sep. 27, 2020).
- Kuchevasov, S. & A. Kamenskikh (2017), "Better shoot me...". The story of a Perm student who survived the "Polish operation", *Zvezda*, 02.10.2017, available at: <http://zvzda.ru/articles/5a4f1e730e5b> (accessed 27.09.2020).
- Kuchevasov, S. & A. Kamenskikh (2017), "The investigator asks him a question as a Polish spy, and he answers as a Soviet intelligence officer", *Zvezda*, 10.11.2017, available at: <http://zvzda.ru/articles/3b4a67bcfa81> (accessed 27.09.2020).
- Laz'ko, R.R. (2015), "Who did unit us? – Strangers. On the historical conditions of the unification of Belarus in September of 1939", in Smalenchuk, A. (ed.), *Vosen' 1939 goda u gistarychnai tradyicii i vusnai gistoryi* [Autumn of 1939 in the historical tradition and oral history], Zmicer Kolas, Minsk, Belarus, pp. 22–35.
- Marples D.R. (1999), *Belarus: A Denationalized Nation*, Harwood Academic Publishers, Amsterdam, Netherlands, xv, 139 p.
- Marples, D.R. (2014), *'Our Glorious Past': Lukashenka's Belarus and the Great Patriotic War*, ibidem-Verlag, Stuttgart, Germany, 400 p.
- Materialy "Osoboy papki" Politbyuro CK RKP(b) – VKP(b) po voprosu sovetsko-pol'skih otnosheniy 1923–1944 gg.* [Materials of the "Special Folder" of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b) on the issue of Soviet-Polish relations in 1923–1944] (1997), Institute of Slavonic and Balkan studies, Moscow, Russia, 141 p.
- Milosh, Ch. (2015), *Azbuka* [Alphabet], Ivan Limbach, St. Petersburg, Russia, 608 p.
- Motyka, G. (2013), *Vid volyns'koy rizanyny do operatsii "Visla". Pol'sko-ukrains'kyi konflikt 1943–1947 rr.* [From the Volyn massacre to the operation "Visla". Polish-Ukrainian conflict of 1943–1947], Duh i Litera, Kyiv, Ukraine, 360 p.
- Musial, B. (2012), "The 'Polish Operation' of the NKVD: The Climax of the Terror Against the Polish Minority in the Soviet Union", *Journal of Contemporary History*, № 48 (1), p. 98–124.
- Myakotkina, S (2019), "With dream about happiness... An exposition devoted to foreigners who in the 1930s were looking for a better life in the USSR works in Serov", available at: <https://xn--b1ag8a.xn--p1ai/news/munnews/8170> (accessed 27.09.2020).
- Oushakine, S.A. (2017), "How to Grow out of Nothing: The Afterlife of National Rebirth in Postcolonial Belarus", *Qui parle*, 26.2, pp. 423–490.
- Petrov, N.V. & A.B. Roginskiy (1997), "Polish operation of the NKVD in 1937–1938", in Guryanov, A.E. (ed.), *Repressii protiv polyakov i pol'skih grazhdan* [Repressions against Poles and Polish citizens], vol. 1, Zvenya, Moscow, Russia, pp. 22–43.
- Pollak, M. (2015), *Otrueni peyzazhi* [Poisoned landscapes], Knigi-XXI, Chernovcy, Ukraine, 112 p.
- Repressii protiv polyakov i pol'skih grazhdan* [Repressions against Poles and Polish citizens] (1997), vol. 1, Zvenya, Moscow, Russia, 240 p.
- Shevel, O. (2014), "Memories of the Past and Visions of the Future: Remembering the Soviet Era and Its End in Ukraine", in Bernhard, M. & J. Kubik (eds.), *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*, Oxford University Press, Oxford, UK, xix, 363 p.
- Schlöegel, K. (2018), *Ukraine: A Nation on the Borderland*, Reaktion Books, London, UK, 287 p.
- Sloin, A. (2017), *The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power*, Indiana University Press, Bloomington, USA, xiv, 325 p.
- Snyder, T. (2010), *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*, Basic Books, New York, USA, xix, 524 p.
- Snyder, T. (2013), "Commemorative Causality", *Modernism/Modernity*, 20.1, pp. 77–93.
- Snyder, T. (2003), *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*, Yale University Press, New Haven, London, UK, xiv, 367 p.
- Zharavin, V.S. (2017), "Tragediya pol'skih evreev" [Tragedy of the Polish Jews], preprint of the chapter for a planned monography *Pol'skaya Golgofa na Vyatke* [Polish Calvary on Vyatka], Official site of the State Archive of Socio-Political History in Kirov region, available at: http://gaspiko.ru/html/tragedy_polskyevrey (accessed 27.09.2020).